

РАГОЗИНА М. М. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

РАГОЗИН Сергей Никитич. Проживал с семьей в деревне Дальние Ливенки Старо-Оскольского округа, в 1918 — избран членом Правления Новооскольского райсоюза. В 1919 — организовал кооператив и возглавил его. С июля 1929 — после закрытия кооператива служил в Скородном. 2 февраля 1930 — арестован по обвинению в контрреволюции и приговорен к 10 годам концлагеря.

РАГОЗИНА Мария Михайловна. Жена Сергея Никитича, в семье четверо малолетних детей. Занималась хозяйством и воспитанием детей, два года была членом сельсовета. В декабре 1929 — после закрытия кооператива одной из первых вступила в колхоз. 2 февраля 1930 — арестована по обвинению в укрывательстве мужа, приговорена к 3 годам концлагеря и отправлена в Соловецкий лагерь особого назначения. Позднее по состоянию здоровья была освобождена из лагеря и отправлена в ссылку в Белгород.

В марте 1932 — обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<2 марта 1932>

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬНИЦЕ ПОМПОЛИТА Е. П. ПЕШКОВОЙ

РАГОЗИНОЙ Марии Михайловны,
жит<ельницы> в гор<оде> Белгороде,
село Михайловское, Волчанская, № 20.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Настоящим прошу не отказать поставить меня в известность, а если понадобится, и не отказать в своем ходатайстве, по следующим вопросам:

1) Допускается ли законом, чтобы дети полит<ических> осужденных никуда не принимались в ученье, что имело место с моей дочерью? Имеют ли дети полит<ических> осужденных право поступления на службу по специальности?

Поскольку нам внушали в концлагерях, и сама я того мнения, что:

а) Дети за грехи родителей не ответственны.

б) Наше Правительство (не в пример прочим державам) СТРЕМИТСЯ НЕ НАКАЗАТЬ, А ИСПРАВИТЬ ВИНОВНЫХ, не имея к ним после ИСПРАВЛЕНИЯ ЗЛА, а тем более, к их детям.

в) В данном случае, как видно из представленных мною во все органы г<орода> Москвы документов, мы пострадали безвинно, по наветам врагов, т<о> е<сть> благодаря неверным материалам получилась ошибка в решении (по моему мнению), так неужели еще и дети наши должны страдать из-за этой ошибки, тем более, что мы всей своей жизнью и до и после ареста доказываем, что не то что на деле, — в мыслях не повинны перед нашим Правительством и всей душой как мы, так и дети рады служить ему, Правительству, на пользу?

2) Допустимо ли, чтобы дети даже правильно осужденных политических поступали в Партию?

В частности, прошу разъяснения по этому пункту, применительно к моим детям, — детям бывшего пастуха, т<о> е<сть> исконного пролетария?¹

4) Предоставлено ли нам, полит<ическим> осужденным, право поступления на службу по специальности, и подлежим ли мы сокращениям

¹ Пункт 3) — пропущен автором заявления, Марией Михайловной Рагозиной.

даже при отсутствии к тому с нашей стороны какой бы то ни было вины, т<о> е<сть> — хорошем поведении, хорошей, честной и аккуратной работе и т<акое> п<рочее>?

Неясность этого положения тяжелым гнетом лежит на душе, когда ежеминутно боишься сокращения.

5) Может ли быть нам поручена секретная работа ПОД ПОДПISКУ, что практиковалось в концлагерях, где я ПОЧТИ ДО КОНЦА (до перевода в Кемь) работала в ИС<екретной> Ч<асту>? В Кеми пробыла 3 месяца и освобождена.

6) Полагается ли нам зарплата, присвоенная определенной должности и выплачиваемая не полит<ическим> осужденным, или же нам она выплачивается, как полит<ическим> осужденным, в сокращенном размере?

7) Можем ли мы пользоваться помещением от ЖАКТа?

На все эти пункты прошу не отказать дать ФОРМАЛЬНЫЙ ОТВЕТ, на который можно было бы в нужных случаях сделать ссылку мне.

М. Рагозина. 2/III-32 г<ода>².

В апреле 1932 — юридический отдел Помполита ответил Марии Михайловне Рагозиной.

<16 апреля 1932>

«М. М. РАГОЗИНОЙ.

В ответ на В<аше> обращение сообщаю, что, согласно постановления СНК РСФСР от декабря 1929 г<ода>, ограничения прав детей на учение, в виду социально-политического положения родителей, не допускается. Прием в партию зависит исключительно от партийных организаций. Ссылные не ограничены в правах поступления на службу и, находясь на службе, подлежат действию Кодекса Законов о Труде на общих основаниях.

Поручение той или иной работы зависит от администрации учреждений; зарплата ссылным должна выдаваться в полном размере; трудящийся ссылный может проживать в доме ЖАКТа (лишены права пользования муниципальной площадью только не трудящиеся)³.

В июне 1932 — Мария Михайловна вновь обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<Июнь 1932>

«Председательнице Помполита
Екатерине Павловне ПЕШКОВОЙ

РАГОЗИНОЙ Марии Михайловны,
жит<ельницы> в гор<оде> Белгороде,
по ул<ице> Чичерина, № 18.

ЗАЯВЛЕНИЕ

10/III - 32 г<ода> Вы поставили меня в известность, что дело мужа моего, РАГОЗИНА Сергея Никитича, передано в Воронеж "для проверки", откуда можно ожидать ответа "через два месяца".

Прошло три месяца, а ответа нет, да его и не будет, т<ак> к<ак> в 30-м году мое заявление на имя И. В. Сталина, а последним переданное в

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 793. С. 124. Машинопись. Подпись — автограф.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 793. С. 123. Машинопись.

Нарком<ат> юст<ици>, было также направлено в Воронеж, откуда ответа до сих пор нет.

Если только можно, прошу убедительно не отказать навести справки о положении этого дела. Если "проверка" заключается в проверке документов, то нельзя ли их проверить через наше местное ОГПУ или дать указание н<ашему> Нотариусу освидетельствовать их, в чем им мне отказано. Положение мое убийственное: муж безвинно мучается больше 2-х лет, я же пропала тут с детьми: получаю всего лишь 80 р<ублей>, а жить на них приходится втроем и помогать и двум другим детям, особенно младшей малолетней дочери и малолетнему сыну (15 и 13 л<ет>). Мы едим уже только раз в сутки и скоро будем ходить чуть ли не голыми и босыми.

Простите за беспокойство, но еще раз прошу не отказать помочь в моем горе.

М. Рагозина. 9/VI-32»⁴.

В сентябре 1932 — Мария Михайловна Рагозина потеряла работу машинистки и вновь обратилась в Помполит с просьбой о помощи, причем, теперь просила только разрешения выехать из Белгорода. Приведем выдержку из этого письма:

«Положение мое самое критическое: дороговизна ужасная: мешок картошки 50 руб<лей>, воз дров — 80 р<ублей> и т<ак> д<алее>. В столовке позавтракать — 25 копеек, пообедать — 75 к<опеек> одному в день, а с семьей мне — 4 раза в день. Больше года прослужила впроголодь и в холоде в Заготзерно, а когда стала просить прибавки (получала 85 р<уб-лей>) — сделали какую-то 20% надбавку, требуя работы за нее и день, и сверхурочно — иногда до 6 часов утра. На 102 р<убля> за круглосуточную работу с семьей и пообедать, и позавтракать не в состоянии, а нужна еще квартира, отопление, освещение, обувь, одежда. Я все просила твердой ставки. Взяли другую машинистку.

Срок мой кончается 12/XII-32 г<ода>, т<о> е<сть> через 2 м<еся>ца с днями. В отъезд попадают хорошие места: с квартирой, топкой и освещением и снабжением, но ОГПУ меня не пускает в отъезд.

Нельзя ли, Екатерина Павловна, разрешить мне выехать, в виду скорого окончания срока, и т<ак> к<ак> мне положительно жить нечем.

Прилагаю на ответ марки, прося его, в виду критического положения, ускорить. Машинистка я хорошая и, думаю, за три года мое политическое направление проверено.

Адрес: гор<од> Белгород, <улица> Чичерина, № 18»⁵.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 793. С. 120. Машинопись, подпись — автограф.

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 793. С. 127. Автограф.